

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 69 (848)

15 декабря 1939 г., пятница

Цена 30 коп.

КНИГИ ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ

Нет на свете страны, где бы работа учителя была так почетна, так ответственна, так выражала бы заветнейшие чаяния народа, как в нашей Советской стране. Тысячи новых школ созданы в Советском Союзе. Гигантская школьная сеть охватывает всю страну. Миллионы людей, отвовавшие себе священное право на знание, жадно взиляют за науку. При грандиозном размахе нашей культурной революции работа педагога, школьного воспитателя, народного учителя стала одной из самых почетных профессий в советском государстве. Лучшие представители многотысячной армии народных учителей награждены правительством высшими наградами. Фигура народного учителя, школьного педагога — одна из самых ярких примечательнейших фигур нашей современности. Тем не менее наше искусство — театр, кинематография, литература — очень редко, случайно и поверхностно дают нам произведения об учителе, о школе. Редко, мало и совершенно недостаточно творят работники искусства и для самой школы.

У нас любят писать и уже много написано о людях, совершивших подвиги в небе и на морях, о тех, кто стал привычным персонажем наших романов, рассказов, поэм и пьес (директор завода, знатный воздухоплаватель, инженер, пограничник, моряк, летчик). Это очень хорошо. Но вот о школе, о советском учителе, о человеке, который воспитывает будущих взрослых граждан, об этом пишут мало, скупо и мало.

Между тем, трудно представить себе тему более благородную и более благодарную! В стране, где право на образование утверждено как одно из самых первых трех основных прав человека, в стране, где все учащее, от мала до велика, в государстве воинствующего, победоносного освобожденного народа, — темы школы, учителя, проблемы воспитания приобретают звучание, которого еще не слышала история. Советская школа — это гигантская всеобъемлющая лаборатория. Разумеется, не одна только школа готовит из наших детей граждан коммунистического общества. И семья, и пионерский отряд, и весь уклад нашей социалистической жизни обеспечивают выработку основных принципов нового общества, но школа и прежде всего школа должна сконцентрировать в себе и решить все главные задачи коммунистического воспитания.

В этом отношении роль советского учителя очень близка к задачам, которые ставит перед собой каждый честный и выхоженный советский писатель, «инженер человеческих душ».

А наша литература до сих пор еще далека от школы. Связь между искусством и педагогикой слаба, случайна, неорганична. При встречах литераторов с педагогами то и дело снова всплывает старая дилемма: чего должно быть больше в литературе для юношества — искусства или педагогики? Напрасный и неумный спор! Разве всякое подлинное, возмужавшее искусство уже не воспитывает само по себе? Разве педагогическая вдохновенная творческая работа над формированием молодой личности не становится искусством? Ведь создала же именно советская литература такую превосходную книгу, как «Педагогическая поэма» А. Макаренки, книгу о страстной вере в золотой клад, зарытый в глубине человеческой души,

книгу об искусстве распознавания и добывания этого клада.

Но книга эта — почти единственная в нашей литературе. Даже писатели, пишущие главным образом для детей и юношества, старательно обходят в своих произведениях тему школы. Правда, сейчас появилось несколько книг о советской школе последних лет. Но книги эти в большинстве своем еще мелковаты по захвату темы, по скрупулезности идей. Часто это более или менее добросовестное описание школьных дней, лишь слабо согретое отсветами большого советского времени. Напрасно многие редакторы, критики и авторы полагают, что так называемая «школьная повесть» своими событиями, материалом своим и проблемами, перед ней стоящими, должна непременно ограничиваться рамками школы, класса, директорского кабинета, физической лаборатории. Успех первых повестей о школе, о воспитании, о переломе в сознании ребят и взрослых, успех первых таких книг, вышедших вскоре после Октябрьской революции и завоевавших мировую известность, определялся именно тем, что на материале школы, на выразительном фоне классной жизни, на примере возникающих новых отношений между ребятами, учителями, родителями решались вопросы больших исторических социальных перемен.

Сейчас школа привлекает к себе все более и более пристальное внимание советской общественности. В работе нашей школы еще много огрехов, много недостатков. Слаба еще успеваемость, не укреплены дисциплина, плохо работают пионерские организации в школе. Комсомольская, советская, педагогическая общественность решительно поворачивает свою работу лицом к школе. Одной из первых должна прийти на помощь школе наша советская литература. Ближе к школе, товарищи! Поможем учителям, родителям и самим ребятам творчески заинтересоваться вопросами воспитания. Возьмем настоящее, деловое и дружеское шефство над школами, над кружками школьной самодеятельности. Поможем внести дух искусства и занимательности во внешкольную работу. Ближе познакомимся с живой, многообразной, бурной, трудной и увлекательной жизнью школы. Расскажем о ней в наших книгах.

Но существует в искусстве, в настоящей большой литературе какого-то особого жанра специальная школьная повесть. Но есть великолепные образцы книг о школьных годах разных поколений. Нам нужны яркие, убедительные, смелые книги о школьных годах советского гражданина. Честный и наблюдательный художник в такой книге непременно напишет и о школе, ибо все дети нашей страны учащие, и для всех них школа — один из основных элементов жизни. Это смелее, острее, шире захватывать этот материал.

Повести о старой школе, книги о школьных годах дореволюционных поколений были книгами обличительными. Они рассказывали о том, как старая школа, старорежимная педагогика душили сознание ребенка, насиловали его свободные мысли. Книжки о школьных годах наших людей будут книжками, утверждающими новые принципы воспитания, рассказывающими о победе разума и знания в нашей стране, помогающими решить на отвлеченном, благородном поэтическом материале детские жизни многие существующие проблемы наших дней.

Сегодня исполняется годовщина трагической смерти лучшего летчика нашего времени, Героя Советского Союза Валерия Павловича Чкалова.

ГЕРОИ

Эта жизнь заставляет думать. Она была сложна. Жизненный путь Чкалова не был гладок. Прямым было направление его энергии, которая не терпела препятствий, выжиданий, дальних обходов. Поэтому у него смелоду было немало очень тяжелых и горьких дней. Ближе к нему люди подметили, что в последние годы у него переменился характер — Чкалов стал мягче, разговорчивее, чаще смеялся (а в юности был он замкнутый, суровый). Это произошло с ним тогда, когда выяснилось, что его безостановочно и талантливо для больших дел, между тем как раньше ограниченные и злоумышленные люди старались загнать его в тупик старых норм, пределов, уставов, которые он — советский человек! — разрушал одним богатырским движением плеча.

Чкалов — один из тех людей-самородков, которых наше время — великий старатель — нашло, обобщило от всего постороннего и подлило, чтобы мы видели сверканье чистого золота.

Жизнь Чкалова сложна и прекрасна, ее нужно обдумать, как явление новое и непреодолимое.

Опому писателю Чкалов говорил сердито и уверенно: — Как тебе не стыдно?! Как же ты допустил, чтобы баншты убили твоего Павла Рабакова так легко, без боя?! Да если бы, например, на меня напали баншты... Неужели бы я им так легко дался?! Уж двоих-троих-то я обязательно бы уложил, а четвертый пуская меня бы убил... Чорт с ним! Так и быть... Нет, троих-то, пожалуй бы, я и не осилил, а двоих уж обязательно... Ну, как же это так тебе в голову не пришло?! Дал бы ему револьвер или топор. Показал бы по крайней мере борьбу. Все-таки ведь он мужик!.. Неужели бы он сдался без сопротивления?! Не люблю я, понимаешь, таких героев... Разве это люди?! Разве мы такие?!

История, желая понять людей эпохи Возрождения, вдумывается в жизнь Бенвенуто Челлини. И разносторонность, и жалость ко всем благам жизни, и импульсивность поступков, и оптимизм, и смелость ума, и безразличие к богу, и самоуверенность, и бесстрашный эгоизм этого человека действительно эпохальны.

Потомки по Чкалову будут судить о нашей эпохе. Они с удивлением будут читать о душевной красоте и мощи этого человека, который любил жизнь остро и который, но колеблясь, каждый день рисовал ею рать творчества, посвященного родине.

Все, что достойно любви, он любил. И больше всего он любил родину. В Нью-Йорке, когда кончались встречи и митинги, на которых он удивлял американцев красотой и темпераментом речей, Чкалов заходил в гостиницу и заволакивал пластинки Чайковского. Он тосковал по дому. Ему предлагали поехать по зарубежью, а он спешил домой. Первым делом — отчитаться перед Сталиным, перед земляками, на своем заводе. Потом — ловить рыбу в Волге, купаться в Васильеве, охотиться... Он любил природу родной страны и жаловался, что ни в одной книге не может найти верное описание Волги, он любил русские песни и русские книги, больше всего те, в которых есть борьба, героизм, смелость. Любил он поест и особенно русскую пишу — уху, пельмени, любил дружескую компанию за столом. Любил итру — в шахматы, в конюшню, теннис и, так как в нем жила неистребимое стремление к совершенству, — играл старательно, стремясь во что бы то ни стало победить. И он любил

друзей — у него их было очень много. Когда он был молодым летчиком, «китенком», как говорят в авиации, один командир, старый воздушный волк, понял способности Чкалова, стал разрешать ему то, что другим было запрещено, — некоторые слишком трудные для обычного летчика приемы пилотажа. Чкалов за это называл его «батьей».

О Сталине Чкалов говорил: «отец». Биографы отмечают дату 2 мая 1935 года — день первой встречи Чкалова со Сталиным — как поворотный пункт в жизни летчика. Это было на аэродроме, после полетов, когда необыкновенное искусство Чкалова, о котором очень многие отзывались с необоримым влечением, вдруг получило признание, когда Сталин сказал летчику: «Ваша жизнь дороже нам любой машины!» и когда жизнь, таким образом, определилась по-новому, приобрела особый смысл, содержание, цель. Собственно говоря, началась новая жизнь. Все нежность своего сердца, всю теплоту своей души вкладывал Чкалов в одно слово, говорил о Сталине — «отец».

Передняя биография Чкалова, с удивлением узнаешь, как он был молод. Чкалов родился в 1904 году. Когда жестокая и бессмысленная смерть остановила его сердце, ему было 34 года. Он казался старше — и не только по внешности, но и потому, что арктические ветры навсегда оставили снежную изъяз в его русых волосах, но только изъяз в глубоком складке на его большом лице, а главное, потому, что мы знали его жизнь, — чего он достиг и сколько свершил.

Ему было восемнадцать, когда кончилась гражданская война, двадцать пять — когда началась эра сталинских пятилеток. О нем потомки будут говорить: вот молодой человек сталинской эпохи. И, возмущаясь им, будут судить о нас. Чкалов говорил: «Нас — тысячи!» — и старался выпятить не себя, не свой подвиг, а подвиги друзей, товарищей по перелету, всех советских летчиков.

Но сам он вылетался. Недаром его пригласил Сталин, не случайно его полюбил народ.

В Чкалове была огромная стихийная сила. Он мерил ее непространно, играл ею — своими мыслями, волей, выдержкой. Это была богатейшая и дерзкая игра. Он говорил, похлопывая рукой по плечу: «Эх, вокруг шарика — хорошо бы!»

Эту стихийную силу он постепенно организовал, подчинил ум и всю отдал на служение родине. Характер его переменился — Чкалов стал и веселее, и добродушнее, и как-то собраннее, целеустремленнее. Это помогло ему осуществить небывалые подвиги, сделать «великим летчиком нашего времени».

Если будет написана книга о Чкалове, она будет свидетельствовать не только о жизни молодого человека, нашего современника, но и о всей эпохе строительства коммунизма. И в будущем люди станут судить о двадцатых-тридцатых годах по этой книге, по жизни Чкалова. Они поймут главное в людях сталинской эпохи, поймут их необычайное жизнелюбие, их горячую привязанность к жизни, их энергию, которой хватало на построение нового общества, их безстрашие и готовность на подвиг. Читатели книги о Чкалове залукаются нах тем, как сложна и прекрасна была его жизнь и как сознание получило в нем стихию, и увидят, что счастье Чкалова — героя нашего времени — было закономерным: он жил в лучшие годы человечества, когда истории нужны были богатейшие силы.

С. НАГОРНЫЙ.

За пять дней

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ВАЛЕРИЯ ЧКАЛОВА

Красные знамена, обвитые траурным крестом, и белые цветы окулают весело, улыбающееся лицо героя родины, чью светлую память собрались чествовать в Центральном доме журналиста детства, артисты, журналисты, писатели.

Вечер, посвященный первой годовщине со дня трагической гибели великого летчика В. П. Чкалова, открыл Герой Советского Союза А. В. Яшидский.

Он рассказал о детских и юношеских годах Валерия Чкалова, проведенных на Волге, рассказал биографию Чкалова, прожившего яркую, отважную жизнь, вписавшего в историю советской авиации лучшие ее страницы.

Последнему замыслу Чкалова, — сказал А. В. Яшидский, — не удалось осуществиться. Он мечтал опоясать весь земной шар кругосветным перелетом и не успел этого сделать. Память о нем вальцелась в стихах, песнях поэтов, ашуров и композиторов, в письмах людей всей страны, которые еще долго после его смерти приходили на квартиру Чкалова. И навсегда в сердцах и умах советских людей останется память о Чкалове, вдохновляющая наших летчиков на новые победы.

Герой Советского Союза М. Т. Слепнев рассказал о своих встречах с Чкаловым в Иркутске.

Соратник Чкалова по легендарным перелетам, Герой Советского Союза Г. Ф. Байдуков свое выступление посвятил воспоминаниям о встрече Чкалова со Сталиным на аэродроме в 1935 г., встрече, перевернувшей всю жизнь Чкалова, выправившей ее к новой цели. Он вспоминал о сталинских словах, так взволновавших Чкалова.

— Ваша жизнь, товарищ Чкалов, нам дороже любой машины!

Потом Байдуков рассказал о своей первой встрече с Чкаловым, о подробностях перелета в Америку.

Летчик-испытатель майор Д. А. Кошниц с волнением рассказал несколько эпизодов, характеризующих образ Чкалова, великодушного друга, великого летчика, большого человека.

В конце вечера о воспоминаниях о Чкалове выступили журналисты Л. Б. Хват и «дедушка» русской авиации В. И. Россинский.

У ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

На днях в Сталинабаде состоялось заседание правления союза советских писателей Таджикистана.

На заседании были рассмотрены и одобрены планы изданий художественной литературы Таджикистана на 1940 год. Большое место в плане занимает детская литература: из 433,5 печатного листа — литература для детей составляет 171,5 печатного листа.

В 1940 году будут изданы великие классики таджикской, азербайджанской, узбекской и фарсидской литературы: Наимаи — «Лейла и Меджнун» и «Хейф Пейсар» («Семь красавиц»); Камол Худжанди — «Избранные стихи»; Навои — «Избранные стихи» (на таджикском языке); Садыр Хиорау — «Избранные стихи»; Саиди, Фирдоуси и др. Будут изданы также несколько глав из армянского эпоса «Давид Сасунский» в переводах поэтов Рахима и Амин-Заде.

Из современных русских писателей Таджикистана в 1940 году выйдут собрания сочинений Духоти, Туркули, Зайде и Рахима, «Духода» и «Смерть ростовника» Ани, «Диван» Лахути (полное собрание сочинений). Готовятся к изданию: первая книга романа Икрами «Шола», большой сборник рассказов Халим Карим-Заде, роман Рахмат Джаалим «Галаур», повесть «Ау-Заде» «Подом» и другие произведения.

Из классиков русской литературы будут изданы: сборник рассказов «Фом Гурьев» М. Горького, «Полтава» А. С. Пушкина; «Герой нашего времени», «Демон» и сборник лирических стихов М. Ю. Лермонтова; «Саяжик» Салтыкова-Щедрина.

Из современной русской литературы выйдут романы Д. Фурманова «Чапаев».

На таджикский язык переводится роман А. Н. Толстого «Хлеб».

В. НИРИЛЛОВ

«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

13 декабря в клубе писателей состоялось встреча коллектива Московского государственного театра для детей с писателями.

Театр показал собранными сцену из пьесы А. Бруштейн «Голубое и розовое» и из «Сказки» Михаила Светлова.

В конце вечера Светлов прочел две картины своей новой пьесы «Двадцать лет спустя». Конечно, трудно, прослушав только отрывки, говорить о результатах работы. (Кстати, совершенно верно, что «Двадцать лет спустя», как и «Сказка», написаны поэтом, а не драматургом). Однако уже теперь, несомненно, что постановка пьесы «Двадцать лет спустя» является, как и постановка ее предшественницы, большим и радостным событием не только в жизни детского театра, а и в жизни всей нашей литературы. Что служит основанием этому заявлению?

В известных нам сценах показана жизнь первых комсомольцев страны — комсомольцев дней гражданской войны и о большом мастерством восстановлено тревожное и величественное дыхание того времени. Внимание слушателя уже привлечено к действию, он — слушатель, а не зритель — уже заинтересован судьбой персонажей пьесы, для него уже ставит в значительной степени ясны образы двух братьев «Направо» и «Налево», трогательный образ Таси и даже более пронзительного не больше десяти реплик старого набожника. Действующие лица говорят кратко, исчерпывающе, умно и даже остроумно. Разговор част, пожатий, и даже слишком част, переходит в стихи и в песни, причем в отрывочные стихи и в замечательные песни. Вот в чем бесспорные достоинства отрывков пьес Светлова.

Одновременно хочется сказать и о недостатках, проистекающих из того, что пьеса написана в большей степени поэтом, чем драматургом. За спиной каждого действующего лица стоит сам автор, в голосе молодых людей то и дело слышится знакомая интонация поэта (так же, как стихи комсомольца пожоки, очень похожи на стихи Светлова). И в пьесе, во всяком случае в отрывках, приглушено, но явственно звучит грусть, понятная в творчестве поэта, напоминающая свою волю, но совсем чужеродная в пьесе, которая повествует о минувших временах.

Вот и все, что пока можно сказать, в значительной степени предположительно, о новой интересной и очень талантливой пьесе Михаила Светлова.

Я. СМЕЛЯКОВ.

НОВЫЕ СТИХИ М. АЛИГЕР
И А. КОВАЛЕНКОВА

На днях в клубе писателей молодые поэты обсуждали новые стихи Маргариты Алигер и Александра Коваленкова. Пики стихов М. Алигер улек слушателей остротой и свежестью лирической позиции поэта; особенно большой успех выдался доль последнего стихотворения, где сильное поэтическое чувство нашло для себя выражение в законченной и хорошей форме. Тов. Ослендер отмечает силу любви поэта к труду, которая живет в стихотворении «Работа». Стихи М. Алигер, по мнению М. Магусовского, будучи лишены четкого сюжетного остова, темы, которую можно конкретно обозначить, представляют собой тем не менее образцы настоящей лирической поэзии. А. Коваленков выдел в стихотворении «Я не хочу встречать тебя вимой» большую искренность, по-ключившую всякую предвзятость и обаятельный рационализм. В этом стихотворении, по его мнению, нашли свое выражение все особенности поэтической манеры Маргариты Алигер. Тов. Уткин, поставивший в своем выступлении ряд принципиальных вопросов поэзии, касаясь стихов Алигер, отметил смелость и своеобразные ее позиции, умение вызвать читателя на размышление, затронуть самые существенные стороны его сознания. Уткин признает Алигер еще более смело экспериментировать в поисках новых форм, новых разнообразных ритмов.

А. Коваленков прочел несколько стихотворений из цикла, который он называет романтическим. Сюда вошли стихотворения: «Памяти Грина», «Ранний час», «Мартынов», «Река», «Снежинка» и другие. Кроме этого, были прочитаны стихотворения «Лиза», «Без тебя», «Секунда», «Соловей» и отрывок из поэмы, над которой сейчас Коваленков работает.

А. Кошница, считающий, что стихи Коваленкова о природе не дают читателю нового представления о ней, отмечает высокие достоинства стихотворения «Лизанька» и отрывка из поэмы. Вообще же пейзажные стихотворения Коваленкова дали возможность М. Рудерману, А. Бегеневу, М. Алигер и др. заявить о дальнейшем росте молодого поэта. В частности, стихотворение об убийце Лермонтова — «Мартынов», по мнению многих — ставшая — темпераментное и сильное, обладает достоинствами настоящего поэтического произведения. Выступившие отметили некоторую абстрактность пейзажа у Коваленкова. Возражая им, М. Алигер говорит о большой любви к природе, которая чувствуется в стихах Коваленкова, о тщательности и бережности, с которыми он подходит к образам своей поэзии.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ О СВИФТЕ

Личность Джонатана Свифта, одного из гениальных писателей мира, давно привлекала внимание многих исследователей. Богата и противоречива биография Свифта послужила темой многих трудов. Но авторы — Теккерей, Сен-Векер, Тейл — представляли «величайшего гения века», как называл его Джозеф Аллонсон, человеконенавистником, беспринципным политиком.

Личности великого писателя посвящена и новая книга М. Левидова. Однако М. Левидова не столько биографией Свифта, сколько судьбой одинокого человека в эпоху враждебной ему, изживавшей его гений. Вот почему он, Левидов, совсем в ином свете видит события жизни Свифта — не человеконенавистника, а величайшего гуманиста, беспощадно бичующего людские пороки, страдающего от обиды не на человека, а на человека.

Полемика о буржуазных биографиях М. Левидов таким образом противопоставляет им свою концепцию понимания личности Свифта.

«Возможно», — говорит автор, — что моя концепция не безупречна. Но я показываю Свифта таким, каким хотел его видеть, и таким, каким, по моему, он должен существовать в умах читателей.

А. Дейч, выступивший с докладом о книге М. Левидова, считает, что трудная и интересная творческая задача разрешена автором успешно. Ему удалось дать на фоне Англии той эпохи разностороннее изображение Свифта, и в довершение к этому буржуазных биографий и довести до читателя свою основную мысль: Свифт — одинокий гуманист эпохи капиталистического накопления в Англии, борющийся своим творчеством за совершенствование человеческого рода.

Ошибки Левидова, по мнению А. Дейча, в том, что он не раскрыл политических взглядов Свифта, не указал его места и роли в литературе. Не удовлетворит докладчика и жанр книги, определяющий который он затрудняется; он сомневается, что автор отказался от формы романа.

По этому поводу о А. Дейчем полемизирует Я. Эльсберг.

— К какому жанру, — говорит он, — надо отнести книгу В. Шклового о Федоте А. Роскина — о Чехове, К. Паустовского — о Шевченке? Что это — повесть, биография, исследование? И надо ли обязательно точно определять жанр для того, чтобы книгу было интересно читать?

Ю. Либелинский и С. Бондарин считают, что одно из главных достоинств книги М. Левидова — это страстное размышление автора о предмете, глубокая заинтересованность его в теме.

К сожалению, высказывания о книге М. Левидова были крайне немногочисленны и односторонни. Достоинства и недостатки произведения не были проанализированы достаточно серьезно. На вечер собралось лишь несколько человек, я не пришел ни один из моих названных в клубной афише писателей, которые должны были выступать и от которых можно было ждать развернутых и углубленных высказываний о книге. Это тем более досадно, что многие писатели и критики уже прочли книгу М. Левидова, а некоторые из них высказались в печати свое мнение о ней, которое и должно было бы послужить началом дискуссии.

Но дискуссия не состоялась.

Е. П.

ТЕЛЕГРАММА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ЭСТОНСКОЙ АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛА ЛАЙДОНЕРА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА
И НАРКОМИНДЕЛУ СССР тов. В. М. МОЛОТОВУ.

Из КИНГИСЕППА — Окт. ж. д. — 14.XII. 1939 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров
В. М. МОЛОТОВУ, Москва.

С чувством глубокого удовлетворения вспоминаю нашу личную встречу и дни, проведенные Вами в Москве. За радужный прием прошу Вас, господа Председатель, принять сердечную благодарность.

Не откажите передать мои чувства глубокого уважения господам Иосифу Виссарионовичу Сталину.

ГЕНЕРАЛ ЛАЙДОНЕР, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ЭСТОНСКОЙ АРМИЕЙ

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА И НАРКОМИНДЕЛА СССР
ТОВ. В. М. МОЛОТОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ЭСТОНСКОЙ АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛУ ЛАЙДОНЕРУ

Главнокомандующему Эстонской армией
генералу ЛАЙДОНЕРУ, Таллин.

Весьма признателен Вам, господа Главнокомандующий, за сердечное приветствие и выраженные Вами чувства. Позвольте выразить уверенность в том, что Ваш при-

езд в СССР послужит делу дальнейшего укрепления восторженного плодотворного сотрудничества народов Эстонии и Советского Союза.

МОЛОТОВ

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В течение 14 декабря на Мурманском направлении наши войска продолжали продвижение вперед.

На Утнинском направлении наши часты продвинулись на 117 километров в западу от гостранниц.

На Петрозаводском направлении наши часты заняли селения Соскуярви, Сулкулампи, Хиппола.

Вследствие тумана и плохой погоды наша авиация производила только разведывательные полеты.

В ЭТОМ НОМЕРЕ 4 СТРАНИЦЫ.

ПИСАТЕЛИ — КАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ СОВЕТОВ

Петро Панч

Есть книги, которые в жизнь приходят как волнующее и яркое событие. Такие книги обращают на себя внимание читателей, критиков, писателей. Они много говорят и много мыслят. Именно с такой книгой в 1927 году выступил Петро Панч.

В книге были опубликованы четыре повести: «С моря», «Без козыря», «Голубые шельоны», «Повесть наших дней». Они обратили на себя внимание свежестю и оригинальностью языка, образов и персонажей, отображенных в них.

Появление этих повестей имело большое влияние на развитие украинской советской прозы. Многие начинающие писатели учились у Петра Панча умения подчеркивать среди множества событий самое характерное и выразительное, учились освещать фольклор и воссоздавать его в своих произведениях как органическое и неотъемлемое художественное явление. Последующие произведения, написанные Петром Панчем, но лишены ряда прогрессивных, все же свидетельствуют о неутомимом движении прозаика вперед, о плодотворной и успешной работе, в результате которой выкристаллизовалась своя собственная манера письма.

Книги Петра Панча пользуются большой популярностью у читателей Советской Украины и известны также далеко за ее пределами, они переведены на многие языки народов Советского Союза. В украинской советской прозе Петро Панч занимает интересное и значительное место. Большинство его произведений посвящено героическим годам гражданской войны, однако тематика произведений Петра Панча не ограничивается только гражданской войной.

Интересные произведения написаны писателем о годах социалистического переустройства села. Среди них следует отметить такие, как «Белый волк», «Муха Макар», «Весенняя повесть» и другие. Несколько лет назад Петро Панч издал большой роман, посвященный борьбе рабочих Донбасса за советскую власть.

Последующие его книги — повесть о борьбе с оккупантами «Мир» и повесть «Александр Нархоменко».

Сейчас писатель работает над большим историческим романом «Запорожцы», главным героем которого является легендарный казакский полководец Максим Кривонос. Опубликованные отрывки из романа свидетельствуют о значительности этого нового произведения Петра Панча, в них ярко отражены отдельные эпизоды из быта и жизни казачества первой половины XVII столетия.

Творческая работа Петра Панча тесно связана с его литературно-общественной деятельностью. Он вел большую общественную работу в союзе писателей Украины, был председателем юбилейного Шевченковского комитета союза советских писателей Украины, много и внимательно работает с начинающими писателями, возглавляет отдел прозы в ежемесячнике «Советская литература». Значительное событие произошло в жизни Петра Панча

в этом году. Единственным решением собрания партийной организации писателей его приняли в кандидаты КП(б)У.

Внимание к людям и умение работать с людьми — характерная черта Петра Панча. Вспоминается осень этого года. Яркий солнечный день властвует в освобожденном городе. На улицах слышны неслыханные звуки. Тут шли бойцы Красной Армии с орденовыми офицерскими бандрами. Для нас, украинских писателей, приехавших в древний город Львов, все здесь интересно и волнующе. Мы ходим с Петром Панчем, приехавшим накануне, по улицам города, помогаем ему знакомиться с достопримечательностями. Много волнующих встреч и впечатлений, и тут же в разговор, посвященный городу и событиям, влетают десятки вопросов Петра Панча о западноукраинских писателях, об условиях их работы и жизни.

Спустя некоторое время Панча избрали председателем оргкомитета писателей Львова. Трудная и серьезная работа. Однако уже сейчас у нас есть основание утверждать, что Панч умело возглавил дело объединения писателей Львова.

На собрании писателей Киева Александр Корнейчук внес предложение выдвинуть кандидатуру т. Панча для баллотирования в депутаты Киевского городского совета. Предложение т. Корнейчука с большим одобрением было встречено собранием. Выступившие писатели говорили о том, что Панч вполне заслужил такое высокое доверие и оправдает его.

Кандидатура Петра Панча зарегистрирована для баллотирования в депутаты городского совета.

НАТАН РЫБАН

Киев

В. И. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Литературная биография В. И. Лебедева-Кумача начинается в Военном отделе Агит-Росты. Он пишет стихотворные лозунги и поднимает плакаты, частушки, стихи, песни.

«Этот период, — вспоминает поэт, — был школой большевистской печати, кипучей, суровой и незабываемой школой, оставившей следы на всем последующем творчестве. Создавалась привычка в творческом смысле быть всегда на передовых линиях огня, не отступаясь в чужие «чужие искусства», что делало тогда многое».

Кончилась гражданская война, но поэт не демобилизовался. Весь свой талант он отдает на борьбу с врагами молодой, еще не окрепшей советской республике. Он бегает по фронтам, бездельникам, прогульщикам. Пользуясь различными литературными жанрами — фельетонами, обозрениями, новеллами, шутками и ироническими, Лебедев-Кумач в течение десятилетия обстреливает со страниц «Крокодила», «Смекача», «Рабочей газеты» и других органов советской печати всех тех, кто, делаясь за старое, мешал строить новую жизнь.

Ваш стих всегда кого-то ест,
Как это вам не надоест?
Вы слишком злы. Вы поете
Легко, лирично и тепло...

Писнул ему в письме студентка рабфака. Поэт им отвечает, что он «в лирике не новичок» и может не хуже других воспеть и «лимонный холодок рассвета и заводь прудов и рыбий клев». «Но — всему свое время».

И скоро мы затаем песню,
Чтоб от нее сердца цвели,
Сильней, лиричней и чудесней
Всех прошлых песен всей земли.

Поэт выполнил свое обещание. Не только у нас, в Союзе, но и за рубежом поют песни Лебедева-Кумача.

Песни Лебедева-Кумача созвучны нашей жизни, нашим мечтам. В них выражены лучшие чувства советских людей: смелость, решительность, гордость и радость за свою родину, вера в светлое будущее.

Тяжеля писем получает поэт со всех концов республики. Его просят, от него требуют, ему заказывают песни. И поэт отвечает не только письмами, но и творчеством. Так возникают «Марш железнодорожников», «Артиллерийская», «Красноармейский марш» и другие песни, посвященные советским коллективам. Школьники и пионеры просят поэта не забывать, что их тридцать миллионов, любящих песни. И поэт им отвечает песнями: «Веселый ветер», «Песенка капитана» и др.

Поэт помнит лозунг товарища Сталина — держать народ в состоянии мобилизационной готовности. Вряд ли какая-либо другая песня пользовалась такой популярностью и любовью, как:

Если завтра война,
Если завтра в поход —
Будь сегодня к походу готов...

Лебедев-Кумач — прекрасный товарищ. Он много времени отдает на воспитание и учебу поэтической молодежи. Его можно встретить и на заводах, и в университетских, и в клубных, и в пионерских дворцах.

Когда наша героическая Красная Армия отправилась в свой исторический поход на освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии, Лебедев-Кумач был с армией. Он создал новые песни, которые радостно распевали и красноармейцы и жители освобожденных городов и деревень.

Можно с уверенностью сказать, что поэт с честью выполнит свое обещание:

Все силы любви, и таланта, и знания
Отдам я, чтоб выполнить с честью
Наша задача — нет почетнее
Звания.

Народный слуга — нет почетнее
Звания.

Я гордо приношу это звание от вас.

Студенты Московского государственного педагогического института
П. ШИГОРЕВ, В. ШЕШИН, С. ГЛИК-
МАН, Ф. АБАЕВ, Р. МЕЛАМЕД,
М. РЫСКИН, Л. СИМОНЕНКО

АННА КАРАВАЕВА

Анна Александровна Караваяева обладает в высокой степени теми чертами принципиальности и дисциплинированности, которые являются обязательными качествами каждого члена партии большевиков. Путь Анны Караваяевой в ряды большевистской партии очень типичен для лучших представителей интеллигенции.

Еще не будучи членом партии, Анна Александровна пять лет преподавала в

совнаршколе. Как это часто бывало с передовыми представителями интеллигенции, она отдавала своим учителям, передовым рабочим и крестьянам, все свои знания (Анна Александровна по своему образованию историк-филолог), одновременно росла сама в этой прекрасной среде. В 1926 году она вступила в ряды ВКП(б). Со свойственной ей деловитостью она совмещает преподавательскую деятельность в совнаршколе с любимым делом всей ее жизни — литературной работой. Впервые печататься Анна Александровна начинает в 1921 году. В 1929 году она уже вполне сложившаяся писатель, широко известный советским читателям.

Десять лет, прошедшие с той поры, были для нашей литературы временем непрерывного творческого роста. Именно за это время написано большинство произведений А. Караваяевой.

За это время советская литература разоблачает и громит троцкистско-бухаринских агентов, пробравшихся в литературу, и Анна Александровна непримиримо стойко и принципиально борется в писательской среде за дело партии, за линию партии.

Анна Караваяева всегда готова помогать всякому молодому и талантливому, пришедшему в литературу товарищу. Сколько раз Анна Караваяева выступала на страницах советской печати с защитой несправедливо обруганных писателей, с какой радостью откликается она

на все то талантливое и новое, что появляется в литературе, с какой охотой помогает она печататься тем, кого нужно печатать, и помогает советом тем, кому еще нужно учиться! Анна Караваяева является в настоящее время членом президиума правления ССП и руководит сектором краевых и областных литератур. Она деятельно помогает писателям, живущим и работающим в областях РСФСР.

Все эти качества, проявляемые Анной Караваяевой в работе и жизни, характерны также и для ее творчества. Советский читатель знает ее увлекательно написанные произведения: «Золотой ключ», «Медвежатник», «Двор», «Лесозавод» и «Лена из Журавлиной рощи».

Безмерная преданность делу Ленина — Сталина, постоянная связь с народом, любовь к родине, оптимизм и какая-то особенно горячая участливость к жизни людей — дух подлинного советского гуманизма — все эти черты, свойственные творчеству Анны Караваяевой, присутствуют также и в ее творчестве.

Именно эти черты ценят читатели в творчестве Караваяевой настолько высоко, что выдвинули Анну Александровну кандидатом в депутаты Московского совета. И мы, писатели, близко знающие жизнь и работу Анны Александровны, можем подтвердить, что чтение не обмануло избирателей. Анна Александровна эту великую честь оправдала!

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ.

Вечер в школе

Широкий и длинный коридор 69-й школы Краснопресненского района переполнен людьми. Они заполняют все ряды стульев, все скамьи, принесенные после того, как стульев не хватало.

Это избиратели 687-го округа Краснопресненского района пришли на встречу со своим кандидатом в депутаты Московской области.

Но почему здесь столько детей, сидящих на коленях у взрослых, вскарабкавшихся на стулья? Они-то ведь не имеют еще права голоса.

Потому что кандидат в депутаты от этого округа их давний друг, их любимый писатель Агния Барто.

Воспитательница детского сада тов. Барто говорит, что А. Барто неустанно интересуется, чем заняты пятилетние умы детей, которых она воспитывает своими книгами в духе коммунизма, что она уделяет много внимания учителям и воспитателям, помогающим им в работе над книгой.

Товарищ Травушкина рассказывает, как А. Барто интересовалась постановкой дела в детской библиотеке, где работала тов. Травушкина, как чутко относилась Барто к ребятам, которые платили ей большой любовью и хорошо знали ее книги.

Дружными аллодионскими приветствиями избиратели Агнию Барто, когда она встала, чтобы рассказать им о себе, о своей пятилетней работе депутата Краснопресненского совета, во время которой ей приходилось обследовать школы, детские сады, бороться за хорошую постановку учебы, за дисциплину, за улучшение бытовых условий в школах, сочинять стихи и песни для ребят.

Председательствовавший на собрании тов. Меньшиков заключил высказывания: — Здесь перед вами, — сказал тов. Меньшиков, — указывая на выставку произведений Барто, — плоды работы писателя — книги, которые хорошо известны многим из сидящих здесь отцов и матерей. Я уверен, что вы с вами сделали хороший выбор, и призываю вас голосовать за Агнию Барто!

Оправдать доверие народа

Недавно в Московском Государственном педагогическом институте им. К. Либкевича состоялась встреча избирателей с кандидатом в депутаты Московского городского совета от 441-го округа Бауманского района поэтом-орденоносцем Виктором Гусевым.

Еще задолго до начала вечера в лекционном зале института начали собираться избиратели. Председатель профкома института тов. А. Фуквалов открыл собрание, посвященное встрече избирателей с их кандидатом. В своем вступительном слове тов. А. Фуквалов говорил о Викторе Гусеве как об одном из крупнейших и известных советских поэтов и драматургов.

Товарищ Гусев, — отметил тов. Фуквалов, — является достойным кандидатом блока коммунистов и беспартийных, и мы не сомневаемся, что он оправдает высокое доверие избирателей, выдвинувших его кандидатуру в депутаты Московского городского совета.

После этого выступили тов. Гусев. Тепло встреченный собравшимися, он зачитал последние свои стихи, посвященные доблестным бойцам Красной Армии, пришедшим на помощь мужественному финскому народу. Кроме того, прочел и другие свои стихи, в том числе отрывки из стихотворного дневника, который он вел во время освобождения от фашистских частей Красной Армии в Западной Украине и Западной Белоруссии.

Встреча с избирателями

На московском Инструментальном заводе 7 декабря состоялась встреча С. Кирсанова со своими избирателями по 72-му избирательному округу Москвы.

С. Кирсанов рассказал о своем творческом пути, начиная с первых юношеских опытов в литературном кружке озерских железнодорожных мастеров. При этом он подчеркнул влияние, которое имел на него лучший поэт нашей эпохи, Владимир Маяковский, с какой заботливостью он оберегал его от богеминой среды, связав его с этой целью с «Комсомольской правдой».

С гордостью С. Кирсанов заявляет, что он свое поэтическое творчество целиком поставил на службу делу партии Ленина — Сталина. Отдельные этапы своего творческого пути С. Кирсанов иллюстрировал чтением стихотворений. Закончил свое выступление впечатляющим, вынесенным из Западной Белоруссии и Западной Украины, и в частности, прочитанным стихотворением «Землянки», посвященное приходу Красной Армии на Гуцульщину.

Аудитория сердечно приветствовала С. Кирсанова-поэта. Но вот встает пожилая женщина и говорит:

— Вы простите мою настойчивость, но помните, что мы вам очень много доверяем. Нам поэтому крайне интересно не только ваша поэтическая, но и человеческая биография, ваша общественная работа.

С готовностью С. Кирсанов дает исчерпывающие ответы на заданные вопросы. Поэт вспоминает о статье, недавно помещенной им в «Правду», — «10 вешах тяжелых и легких». Он развивает на собрании эту тему, и перед избирателями вырисовывается уже как конкретная программа работы их будущего депутата в Моссовете: за высокую культуру производства, за улучшение и украшение быта, за прекрасную, художественную культуру советской вещи.

Л. ЛЕВИН

Павел Беспощадный

Вскоре вспыхнул Октябрь, разгорелся бой за Советы, и Павел Беспощадный сражался за счастливую жизнь...

Стихи он начал писать возмужалым, закаленным в борьбе рабочим, который чувствовал в поэзии жизненную потребность, свое призвание.

Первые поэтические произведения, вошедшие в «Каменную книгу», не всегда были достаточно отточены и отшлифованы, но зато они имели настоящее чувство, могучую страсть пролетарского поэта.

Последующие сборники стихотворений П. Беспощадного — «Год в «Богоявленском», «Родина» (1938) — свидетельствуют о росте и совершенствовании его таланта, об умении без словесной вычурности и внешней красоты, просто и убедительно рисовать новый Донбасс, новую жизнь шахтеров. В центре художественного внимания становятся новые люди — горняки, труженики социалистической державы, для которых труд стал делом чести, славы, доблести и героизма. П. Беспощадный создает замечательные образы шахтера-стахановца, шахтера-бойца, шахтера-скрипача — людей, воспитанных социализмом. Он преисполнен чувства гордости и радости за свой родной Донбасс — страну черного золота, ставшую родиной стахановского движения, выстоявшую в таких людях, как Никита Изотов, Алексей Стаханов, Саша Степаненко, и многих других.

Отображая творческие подвиги советского человека, поэт подчеркивает исключительную в них роль коммунистической партии и ее вождя, товарища Сталина, ему он посвящает вдохновенные песни:

Он сделал родной и чудесной
Любимую землю мою.
Ему я привнесу песню
От чистого сердца пою.

Донбассовцы любят и уважают своего глашатая. Где бы Беспощадный ни выступал: в маленьком рабочем клубе или роскошном дворце культуры, — аудитория всегда переполнена. Стихи воспринимаются живо и горячо.

Любовь и уважение тружаникам к поэту являлось всею выжатым в том доверии, которое ему оказали горняки шахты «Красный Профинтерн», выдвинув П. Беспощадного кандидатом в депутаты Сталинского областного совета.

С. ПОПОВ

ДВА КАНДИДАТА

На предвыборном собрании в колхозе им. Крупской Тахтинского района (Туркмения) колхозник Агаев Карабай предложил выдвинуть кандидатом в депутаты окружного совета по 51-му избирательному округу поэта-орденоносца Лурды Калы.

Общее собрание единогласно поддержало

кандидатуру беспартийного поэта-орденоносца.

Широко известный в Крыму народный кельай (повесть) Джангазы Шерфини выдвинул колхозникам сельскохозяйственной артели им. Бирова кандидатом в депутаты Старо-Бирского районного совета депутатов тружаников.

Кандидатура Л. Шерфини зарегистрирована окружной избирательной комиссией.

ЮРИИ ГЕРМАН

Когда Герман написал свою первую книгу, ему было семидесять лет. Это было в 1927 году. Несовершеннолетний автор завывал клубом в маленьком городке Дмитриеве.

Отправляя рукопись в Ленинград, Герман вряд ли серьезно надеялся на то, что его книга будет издана. Традиционные мытарства молодых писателей были ему хорошо известны. Он был готов ко всему, но все-таки с нетерпением ждал ответа.

От Дмитриева до Ленинграда, казалось бы, рукой подать, но ответа не было около двух лет. Заведующий межсоюзным клубом успел перебраться в газетный корреспондент. Разъезжая по области, корреспондент время от времени писал в издательство те самые гневные письма, в которых работники наших издательств до сих пор умеют относиться с завидным спокойствием.

Наконец, Герман окончательно потерял всякую надежду не только на издание своей книги, но и на получение ответа. Именно тогда внезапно пришел ответ. Издательство в теплых выражениях сообщило молодому автору, что его рукопись, наконец, найдена уловленным розыском в Крыму.

Герман недоумевал. Он смутно догадывался, что его рукопись давно потеряна, но каким образом она попала в Крым? И причем здесь уголовный розыск?

Вскоре все выяснилось. Оказалось, что рецензент издательства, которому рукопись Германа была дана на отзыв, уезжал с собой на курорт. На Южном берегу Крыма у рецензента украл чепелан, а вместе с ним и рукопись молодого ленинградского автора.

Так сложилась судьба первого романа Германа «Рафаэль из парикмахерской». Написанный в 1927 году, он был опубликован чуть ли не одновременно с романом «Вступленье», сразу завоевавшим широкую читательскую известность молодому и долгие годы не известному писателю.

«Вступленье» было замечено А. М. Горьким. Подобно биографии подавляющего большинства советских писателей, литературная биография Германа связана с именем Горького. Алексей Максимович назвал «Вступленье» в числе лучших произведений советской литературы, заслу-

живающих перевода на иностранные языки.

«Вступленье» было издано у нас четыре раза. Этот роман действительно начал вступленье в литературу нового талантливого писателя. Уже и в этом романе Герман обнаружил прекрасные качества писателя-реалиста, но это был востановленный роман.

Своей следующей роман, «Наши знакомые», Герман писал пять лет. В 1932 году в журнале «Ленинград» появились очень хорошие главы из этого романа. С 1933 г. роман начал печататься в журнале «Литературный современник».

Роман «Наши знакомые» получил читателя тем совершенно органическим чувством современности, которое в нем несомненно присутствует.

В авторе этого романа читатель правильно почувствовал писателя, целиком поглощенного душевной жизнью советского человека.

После «Наших знакомых» Герман выпустил небольшую книгу «Две повести». За последнее время появилось много повестей на современные темы, но «Две повести» Германа занимают среди них особое место.

План Детиздата

Новый план Детиздата — это целый брошюра в 63 страницы с приложениями, со списком опечаток.

Первое впечатление от плана — благоприятное. Видны знакомые, хорошие имена, видна справедливость: писатели приблизительно с равными именами представлены приблизительно равным количеством вещей.

Хорошие книги есть. Но мало нового.

Конечно, удачей издательства является появление книг, написанных Героями Советского Союза.

Недостатки плана частично объясняются тем, что он составлен из переходящих книг. Книги не осуществленные в прошлых годах, переходят в следующий год.

Может быть, поэтому издательский план не отражает никаким образом того, что происходит в мире. Например, у ребят есть интерес к Западной Украине, к Западной Белоруссии, к Флориде. По географической серии Детиздата таких книг нет.

Наши детские писатели, к сожалению, принимают мало участия в делах редакции. Чувовский представляет переводчиками и как редактор английских классиков. Между тем он мог бы быть руководителем целого ряда книг, потому что это живой человек живой литературы.

Непонятно, как не использовать огромный опыт Маршак, его широкий кругозор, изобретательность и настойчивость. Руководство в плане вообще обезличено. Неизвестно, кто за это отвечает.

Есть один только недостаток. Так переводят книги, когда владеют близкими перебранными из помещенных в помещение.

Книги вероками выкупаются в пакки, но такая работа никогда не называлась редакционным планом.

План хаотичен. Непонятно, почему, например, именно в этом году надо издать сборник, состоящий из сказок Андерсена, Гримма, Гауфа, и в этот же сборник вставить рассказы русских классиков — Толстого, Чехова и Горького, и все это сделать под руководством т. Н. Шер. А под руководством т. Поговской составить в том же году сборник из сказок Гримма, Перро и др. И ни в тот, ни в другой сборник не поставить прекрасные белорусские сказки из сборника Романова?

Вообще с фольклором неблаготворно. Совершенно не используется старая русская дубовая сказка, а между тем Пушкин ссылался на сказку о Бове, как на образец языка. Не используются и сборники Худякова, Зеленина, Соколова и т. д.

Случаи и отрывки истории. Он дается в разделе «История» просто, и в разделе «История СССР», и в отделе «Всеобщая история», и наконец, в разделе «История народов СССР».

Любопытно, что книга Григорьева «Суворова» есть и в разделе «История народов СССР», и в отделе «Маленькая историческая библиотека».

Универсальность авторов иногда удивляет. У т. Езерского повесть о Дмитрии Донском, и исторический роман «Гражданин», и рассказы «Камнетес Нурги», из жизни древнего Египта.

Мы ничего не можем сказать против этого автора, но хотели бы иметь больше авторов.

Все это, вероятно, объясняется тем, что план не составлялся, а сводился из остатков. Книжки разбрасывались по отделам, а отделе пригласивались невнимательно.

«Юрий Милославский» и «Князь Серебряный» стоят по бокам моей книги о Мишине и Пожарском.

Я заинтересован соседями.

Соседство лесное. Кто соседней будет редактировать — не сказано. А жаль.

В «Князе Серебряном» Иван Грозный противопоставлен героическому борцу Морозову, опричник — просто злодей.

Есть в романе разбойничья линия, неплохо приукрашенная и именная успех во всех дубовых переделках. Выход Алексея Толстого на эпоху Ивана Грозного не совпадает с нашим представлением о значении борьбы самодержавия с феодализмом. Как это переделать — неизвестно.

Если переделывать будет менее талантлив, чем Толстой, то получится стыдная вещь, а ребята будут доставать настоящего «Князя Серебряного» и сравнивать тексты.

С «Юрием Милославским» дело может быть легче. В этом романе основная удача в изображении Запорожия, в изображении слуг, шпешей, в народных характерах. И может быть, здесь простое сокращение избавит роман от ошибок и скучных мест. Во всяком случае, интересно, кто это будет делать, и надо было бы поговорить, стоит ли это делать.

С переделками вообще надо быть осторожными. Мы ставим часто посредственного человека между читателем и гениальным человеком. А если даже и талантливого, то и тогда он может переделать только определенную книгу.

Мы переделываем русские сказки, лишая детей возможности узнать народный язык. Переделываем сказки Перро, сказки Гримма, «Тысяча и одна ночь». Переделываем Марка Твена, греческие мифы, Мюнхгаузена, Свинфа, Рабле.

Вопрос о переделках много раз обсуждался, и всегда почти говорили, что переделывать не стоит. Но переделки продолжают. Надо было бы создать постоянное наблюдение за сохранностью классиков.

Уточнюю: возможны сокращения. На них иногда приходится идти, но переделка, изменение стиля, образа, выисывание кусков, перекачка — всегда плохи.

В работе Детиздата есть удача, есть добрые намерения. Хорошо была задумана «Маленькая историческая библиотека», интересна «Биографическая серия». Но биографическая серия трудна. Ее надо организовать. Литературу организовывать можно, в нашу эпоху даже нужно организовывать литературу. Литературное производство создается в результате общей работы, общей потребности народа.

Больше всего надо привлекать людей для создания познавательной книги. Нам известно, откуда брать авторов. Надо использовать бывалых людей, ученых. Поля для них тоже нужна редакция. Надо рассказывать им, как пишется книга. Надо слушать и выслушивать у них рассказы.

Мы не знаем, как пишут те поэты и профессора, которые привлечены для того, чтобы написать книгу о наших реках и горах. Но знаем, например, профессора Зубова. Он научился писать и пишет очень интересно.

И здесь план случаен. Мы имеем две книги о Колумбе. Может быть, обе будут удачны, особенно можно быть уверенным в книге Ирвинга, но можно было бы добиться большего разнообразия тем.

Из плана не видно, как книги придуваются. Например, я знаю профессора Ю. П. Фролова по его рассказам. Рассказывать он прекрасно, увлекательно. Книги его вышли на многих языках. В плане это выглядит так: «Органы чувств человека», учение Павлова о высшей нервной деятельности, зрение, слух, осязание, их ра-

бота в повседневной жизни и в боевой обстановке на войне».

Из этой формулировки ничего нельзя понять.

Мы знаем, как выглядела редакция Пушкинского «Современника», как Пушкин создавал статьи, как незлобно до дуэли ночью, на балу он заказывал статью о паровых машинах. Мы знаем его работу над книгой Дуровой, его попытку заставить Пашкевича написать мемуары.

Великие писатели и просто крупные писатели обычно хорошие редакторы, и у них есть жалба к литературе, жалба к ежедневной литературной работе, они хотят организовывать литературу.

Мы знаем советских авторов, которые помогали молодежи, — Всеволода Иванова, Огнева.

Но нужно думать, что мы, писатели, не уважаем редакторов или что работа редакторов расценивается нами как казая-то низшая работа.

Был писатель Серебров, писатель ниже среднего.

Был и существует крупный редактор Александр Николаевич Тихонов.

Сравнительно недавно Александр Николаевич выступил с воспоминаниями о Чехове и Толстом.

Многие из нас считают эти книги классическими. Этот Александр Николаевич Тихонов — бывший Серебров. Он продолжал свою творческую работу в редакции и вырос в большого писателя.

Мы в Детиздате уважаем и любим многих редакторов, но мало идет об отдельных редакторах, а о редакциях.

При всех неудачах издательства детской литературы, книги пишутся все лучше и лучше. И в этом году появились прекрасные повести Гайдар, Фраермана, но издательства не видно, не видно организующей работы и не видно, что делают читатели.

Лет двадцать тому назад в Доме Искусства работала студия всемирной литературы. Там преподавал Чувовский, читал Блок и многие другие.

Я знаю учеников Маршак, знаю людей, которых вырастил Житков, но я не знаю, к кому сейчас должен пойти молодой детский писатель, кто ему поможет, как он свяжется со своим опытным товарищем. Мы об этом мало думаем.

Мы мало, недостаточно твердо и терпеливо помогаем издательству, слишком скоро на него свалимся. В результате мы показываем чужим хаотическим планам. Такой план того, что выработать, а также связано пропрецировать невозможно, его надо было бы разрезать на куски, переосмыслить заново, да еще по дороге проверить содержание отдельных произведений, так невнимательно записанных в плане.

Надо заняться детской литературой, заняться ее общими вопросами, не рецензировать книги от случая к случаю, а посмотреть, как развивается, как двигается детская литература в целом.

Слева направо: оканитель Горьковской области И. Ф. Новиков, В. П. Чапов и поэт-колхозник, писателец Болдинского района Горьковской области А. П. Новиков.

ВСЕУКРАИНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ КРИТИКОВ

Всеукраинское критическое совещание продолжалось три дня.

Это — первое широкое республиканское совещание критиков и литературоведов Украины. И созы такого совещания и постановка докладов тов. Стебуна на такую конкретную тему, как «Украинская критика в 1938—1939 годах», свидетельствуют о росте и возможности украинской советской критики.

Характерна в этом смысле и тема доклада А. Беленко — «Основные вопросы изучения украинской литературы». Как и т. Стебун, академик Беленский говорит о фактах литературной жизни Украины и анализирует явления, наблюдаемые в украинской критике.

— Еще в 20-х годах в украинском литературоведении хозяйничали буржуазные националисты, которые в блоке с троцкистами и мейнштрамками принесли немало вреда делу науки, — говорит т. Беленский.

Историей литературы эти «ученые» пользовались для пропаганды национальной вражды, особенно между литературными украинской и русской. Они замалывали революционное значение даже таких гигантов украинской поэзии, как Шевченко, отодвигали на задний план Гребенского, объявляли Леси Украинку глашатаем их националистических идей, а Коцюбинского — импрессионистом-касалетом.

— Время это, к счастью, безвозвратно ушло и ушло вместе со своими деятелями, — говорит т. Беленский. — Остались тексты украинских писателей, которые необходимо тщательно выверять и переиздавать.

Далее докладчик говорит о том большом вреде, который нанесен был украинской литературе и критике вульгарными социологами, и о необходимости окончательного искоренения остатков этого вредительского наследия в области теории украинской литературы.

Во второй части доклада академик Беленский говорит об оценке критикой художественных достоинств произведений украинской литературы.

Третий доклад был сделан В. Гоффеншером — о задачах советской критики.

— На разном материале и разными методами писатели и критики разрабатывают одни и те же явления и вопросы нашей действительности, — говорит докладчик. — Критика и художественная литература могут существовать только в процессе

взаимного обогащения идеями, чувствами, материалом.

Принципиальный спор и взаимная недоуверенность, вытекающие не из объективных и случайных побуждений, а из глубокой заинтересованности в развитии советского искусства, полезнее, чем иллюзорное «содружество» на основе замалывания недостатков.

Тов. Гоффеншер приводит примеры примитивно-вульгарного подхода критиков к анализу произведений иностранной художественной литературы, когда сваливают в одну кучу «антикапиталистическую литературу» и произведение, критикующее капитализм в буржуазных позициях, и произведение, резко отрицающее мир эксплуатации. Докладчик говорит о путанице в понятиях «романтика» и «романтизм», о необходимости борьбы с вульгарным социологизмом во всех его проявлениях, о конкретизации понятия социалистического реализма и т. д.

Прения заняли более трех заседаний, и, несмотря на это, полемика на совещании почти не было. Выступающие чаще всего были не оппонентами, а докладчиками на самостоятельные, не связанные или мало связанные с основными докладами темы. Таковы были выступления: т. Маргача — о развитии украинской новеллы и отражении этого процесса в критике, т. Кирилюка — о необходимости издания литературного наследия Панаса Мирного, Коцюбинского, Гребенского, Сквороды и других крупнейших писателей Украины. Некоторые выступления были эмпирическими, разрозненными, авторы их ограничивались разбором случайно прочтенных ими критических работ, но ставя перед совещанием ни одной проблемы. Было несколько выступлений непродуманных, неточных по форме, например выступления тт. Прищера и Герасименко, которые совершенно правильно раскритиковали в своем заключительном слове председатель совещания т. Адельгейм.

В совещании приняли участие и молодые критики, и критики, имеющие за плечами большой опыт литературоведческой работы. В этом есть положительная сторона, но это же обстоятельство, естественно, придало совещанию известную неровность. Наряду с продуманными выступлениями молодого критика Л. Новиченко по вопросу о том, какими путями идет обычно наша критика к определению народности писателя-классика, собравшиеся слушали застенчивый лепет тоже молодого критика.

дого Липовича, заботящегося не столько о содержании своей речи, сколько о «красивости» фраз. И на этом же совещании прозвучали интересные речи профессора Киевского университета Радевича, сделавший обзор украинского журнала «Литературный критик» за год, западноукраинский писатель профессор С. Турор — о литературной жизни Западной Украины за последние 20 лет, польский критик Ю. Борейша — о польской литературе за это же время.

Тов. Кобский поднял серьезный вопрос — освоения критического наследия Украины. Он говорил:

— Если в русской литературе современная критика много работает над изучением наследия Беллинского, Чернышевского, Добролюбова и др., то украинская критика и до сегодняшнего дня еще не поставила как следует вопроса об изучении праях своих предшественников — Франко, Леси Украинки, Гребенского, Коцюбинского.

Руководитель секции критиков союза писателей Украины т. Адельгейм обращает внимание совещания на одну из важнейших задач — подбор и воспитание кадров молодых критиков.

Критики тт. Шаховской и Кобский выступают против стихотворного отношения некоторых русских критиков к произведениям украинских писателей.

— Русская критика XIX века в лице ее лучших представителей всегда говорила об украинской литературе полным голосом, без всяких скидок, понимая ее, подерживая или критикуя ее, — говорит т. Кобский. — К сожалению, в последнее время в русской прессе появляются статьи, которые не могут удовлетворить нас. Мы требуем серьезной критики, а не такой, которая бы благосклонно хлопала нас по плечу, подхалим описывая бедный украинский писателей с пониженными критериями.

Наконец, т. Перцов, призывая критиков к разрыву творческой художественной дискуссии, говорил о необходимости работать над воспитанием критика-художника, который раскрывал бы индивидуальные особенности писателя и, что особенно важно, умел бы проследить своеобразие движения художника к искусству социализма и рост его в социалистическом искусстве.

Хочется отметить некоторые существенные недостатки совещания.

Прежде всего — недостаток организационный. Все три доклада поставлены сразу, один за другим. Думается, что было бы полезнее обсудить каждый доклад в отдельности. Тогда прения прошли бы более организованно.

Но это более оговорчат недостаток другого рода.

У некоторых выступавших критика была легковесной, построенной на эффектах, глубокая мысль замалывалась «уточненными» призывами к критическому анализу того или иного литературного произведения. Апелляторы такие слушать все равно, но они помогают делу.

А самое главное, большинство выступавших товарищей говорили о задачах критики, но почти ничего не говорили о задачах литературы, о литературной судьбе писателя и того или иного литературного произведения. Можно подумать, что молодая украинская критика существует сама по себе, а большая прекрасная в своем прошлом и настоящем украинская литература — сама по себе.

Но это ли явилось причиной того, что писатели Украины не приняли почти никакого участия в этом совещании?

НА СОВЕЩАНИИ В ЦК ВЛКСМ

10 декабря в ЦК ВЛКСМ под председательством т. О. Мишаковой состоялось обсуждение тематического плана издательства детской литературы на 1940 год.

Докладчик т. Г. Куклюк, главным образом, говорил о количественных показателях плана, не объясняя, почему в него включена та или иная книга.

План был подвергнут суровой критике. С. Маршак, Я. Рыкачев, В. Шкловский, С. Михалков и другие подчеркивали, что подбор литературы в плане случаен.

— В значительной степени это объясняется тем, — говорил С. Маршак, — что на издательство тяжким грузом давят многочисленные порты, где спонсируются малопонятные и просто негодные книги и рукописи. Издательство, затрачивая на них определенные средства, включило их в план 1940 года из финансовых соображений. В то же время не предусмотрено издание таких книг, как «Дон Кихот» Сервантеса, «Путешествие Гулливера» Свифта, «Тиль Уленшпигель» де-Костера, романы Вальтера Скотта, «Овод» Войнич, «Как зака-

лялась сталь» Островского и много других произведений, горячо любимых детьми.

— Вообще, — отметил С. Маршак, — тематический план разработан слабо. Руководители Детиздата не считают с гениальными замечаниями М. Горького о детской литературе и, в частности, о его предложениях в статье «О темах». Не всегда уделяют они должное внимание и художественным достоинствам произведений. Это относится прежде всего к научно-популярной литературе.

Критику плана, данную С. Маршаком, подхватили все выступавшие. Я. Рыкачев, В. Шкловский, Б. Ивантер, педагог т. Струмилина и Г. Эль-Ренгистан отметили, что в плане мало включено общественно-политической, научно-фантастической, географической литературы, книг о советском быте, о семье, о школе, о пионерской работе.

С. Михалков предложил составлять план совместно с активом писателей. А. Варто говорил о необходимости создать в Детиздате крепкий творческий коллектив.

А. КРОН

«СПЕЦИФИКА»

Заметки о театре для детей

Вскоре старейшему из детских театров нашей страны исполнится двадцать лет. Возраст вполне зрелый. За двадцать лет выдвинулись талантливые коллективы и настоящие мастера-режиссеры, актеры, либреттисты. Созданы спектакли, заслужившие не только внимания, но и серьезного разбора. Театры накопили опыт, который, как всякий опыт, нуждается в обобщении.

Мы, советские люди, знаем силу театра. И нельзя мириться с тем, что в области детского театра почти не работает искусствоведческая мысль. Может ли критика, не изучивши всерьез детского театра, быть по-настоящему требовательным в своих оценках, вскрывать корни ошибок, ставить новые задачи? Его вопросы обращены не столько на сцену, сколько в зрительный зал. Его планет, как экзотика, шумная и экспансивная аудитория. Он с восторгом пишет в своей статье о детях, которые кричат во время действия, обидели или презрели героя пьесы. Он любовно воспроизводит беседу со своим маленьким соседом, который признается ему, что смотрит пьесу в седьмой раз. Критику это внове. Работнику детского театра это известно. Более того, иногда ему кажется, что было бы лучше, если бы дети вели себя в зале менее шумно. Тщпна в зале — самая ценная зрительская реакция. И мальчик, смотрящий пьесу в седьмой раз, — не самый лучший из зрителей. Очень часто бывает так, что этот мальчик очень мало читает. И, может быть, стоит посоветовать его родителям не давать ему так часто денег на театры и кино, а записать в библиотеку. Ибо театр призван развивать интерес к книге, копилать, а не заменять ее.

Детскому театру до-зарезу нужна критика в полном смысле слова профессиональная. Безделье теории в детском театре становится серьезным препятствием для его дальнейшего роста.

Вопрос о «специфике» вплотную подводит нас к вопросу о тематике. От полного отрицания специфичности детского театра — один шаг до утверждения, что не существует тематика, присущей целиком или в большей мере именно детскому театру. Если задуматься над репертуаром детских театров, то приходит мысль, что часто пишут пьесы и верстают планы люди, которые сами никогда не были родителями. Мы думаем о том, как воспитать в ребенке волю, мужество, уважение к труду и культуре. Нам хочется дать ему высокие образцы поведения человека и гражданина, которым бы он мог и хотел подражать. Мы хотим научить ребенка самостоятельно мыслить, разбираться в людях и обстоятельствах, развивать в нем дух коллективизма, сделать ему близкими социалистические нормы поведения. Иногда мы сетуем. Мы говорим, что родители не имеют права пелитьм перевернуть пьесу вопросы воспитания ребенка и формирования его характера. Нам кажется умелым поговорить о материалах наших детей. Потому что, оказывается, на смену устаревшим нормам поведения ребенка в семье и быту мы не всегда позаботились создать новые. Мы говорим об уважении к старшим. Ибо благодарность рождает заботу о детстве не может исклнчать чувства простоты сыновней (или дочерней) благодарности к родителям, которые немало сделали и продолжают делать для того, чтобы обеспечить детям хорошую жизнь. Наконец мы замечаем, что у некоторых детей проскальзывают черты бездушной потребительской психологии, своеобразного барства, лучшего от ощущения, что в этом мире все всегда будет к их услугам.

Зачем ли все эти насущные вопросы со сцены театра для детей? Очень глухо и недостаточно. Особенно слабо представлены на детском театре пьесы о семье и школе. Театр не умеет дать отпора чуж-

дым, растлевающим влияниям, которые иногда проникают в школу с улицы. Чего стоит такой факт: из современной детской пьесы начисто изгнана ашудла «длшого мальчугана». Дети знают, что они бывают плохи и хороши, но на сцене все советские дети хороши и всегда верны себе. Если же драматург или театр показывать ребенка с какими-нибудь отрицательными качествами, то они тут же считают необходимым объявить происхождение этих качеств, обвинив в недостаточном внимании его воспитателей, — школу, семью, пионеротряд. Можно подумать, что ребенок не имеет своего, пусть несовершенного, характера, а представляет собой нечто абстрактную сумму признаков. Это кустарное социологирование ничего не приносит, кроме вреда, и достаточно быть грамотным воспитателем, чтоб это видеть.

IV

И последнее замечание. Прав ли был Б. С. Станиславский, когда говорил, что «для детей надо играть так же, как и для взрослых, только гораздо лучше, тоньше, культурнее и совершеннее»? Да, тысячу раз прав. Более того, он очень ясно подчеркнул специфическую сторону детской аудитории. Ребенку свойственно, в большей мере, чем взрослому, отождествлять театральное зрелище с собственной жизнью, непосредственно учиться жизни у театра. Любая фальшь, неправда, даже не осознанная им до конца, разрушает это личное свойство. Из «властителя дум» театр превращается в приятную забаву, и только. Прямиком, пошатывая оказывают губительное влияние на формирование художественных вкусов зрителя, который через несколько лет будет заполнять залы театра для взрослых. Потому не будет преувеличением, если мы будем утверждать, что лучше не показывать ребенку ничего, чем плохой спектакль. Поощрение театра для ребенка должно быть торжественным актом, истинным лум, разговоров и новых интересов. Искусству, которое скользит по поверхности, не оставаясь после себя никакого следа в душе ребенка, не место на сцене театра для детей. Старая пословица «лучше меньше, да лучше» вырастает в детском театре до значения догмата.

И.Н. КРОВОТА

КНИГИ О ТЕАТРЕ

Государственное издательство «Искусство» в ближайшее дни выпускает «Записки» (1872—1893) Юр. Юркова.

«Публикуемые «Записки» народного артиста СССР Юрия Михайловича Юркова, — говорится в предисловии Евг. Кузнецова, — представляют собой своего рода пролог к предпринятому им большому литературному труду, посвященному жизни нашей драматической сцены.

К пятидесятилетнему театру под руководством Ю. А. Заведского, о котором много отмечалось в декабре, Ростовское издательство выпустило книгу М. Незнамова «Творческий путь театра». В книге собран богатый фактический материал о работе театра в Москве и в Ростове.

НА ОСТРОВЕ ГОГЛАНД

Холодный ветер, пикакие, набухшие снегом облака, серая стлужная вода. В неясной дымке декабрьского утра встают перед нами могучие пологие горы. Это — Гогланд, поросшая сосной гигантская скала, поднятая над водой прихотливым ином Финского залива. Нет кораблей иного пути, как мимо него, — он лежит на самой середине залива. Он видел и петровские галеры, кошовировавшие пленные шведские корабли от Ганге-уда, место первой победы русского флота, и смелую шхуну Крузенштерна, впервые пропеснущую вокруг света русский флаг, и русские парусные эскадры, уходившие в «дальний вояж», и самый сильный в мире броненосец «Петр Великий»... Он видел русские крейсера и миноносцы в суровых зимних походах императорской войны. Он видел героическую борьбу этих же кораблей, когда они, голодные, истощенные войной, английские, выгнанные из Финского залива английские крейсера, сытые и углем и орудиями, отстояв войсковую революцию — Красный Петроград...

Но в течение последних двадцати лет каменный свидетель истории Балтийского флота и вековой друг его, Гогланд был обречен на роль врага и соглядатая: чужие глаза жадно вглядывались с его скалы в советские военные корабли, чужие руки фотографировали их вплотную, ибо нет в Финском заливе иного пути кораблям. ... В это декабрьское утро спокойно и четко, как на учебном, наши корабли подошли к острову, старому другу, на двадцать лет захваченному руками иностранных штабов, сделавших Гогланд базой разведки. Бесснули первые залпы зенитным пламенем, очистительный огонь стал выжигать с береговых скал полуночную паршу агентов и шпионов. Ринулись к берегу катера и шлюпки, ошестившиеся стволами винтовок и пулеметов, первый бросок десанта, подошли транспорты с войсками, орудиями, продовольствием, водой. Непрерывным скользящим роком носились на полных ходах сторожевые корабли, протуживая море, и серые змеи воды вставали за их кормами: здесь обнаружены финскую подводку, пытающуюся атаковать транспорт с войсками, но лишь раз пришлось ей вынуть перископ, глухие взрывы глубинных бомб и стремительные тараны пронеслись над ней сторожевых кораблей или возможности атаки. Отряд за отрядом высматривается на остров, выданы фигуры бойцов, взбирающихся на скалы, сбегавших в лес. Надо пережить все то, что двадцать лет переживал Балтийский флот, верный морской страж Ленинграда и России, чтобы полностью оплотнеть это. Вихрем пронеслись в памяти долгие годы нашей постоянной тревоги за судьбу великого города, козыря в революции. Если Кронштадт — морской ключ к Ленинграду, то Гогланд — ключ к восточной части Финского залива, Тетер — к Нарвской губе, Сескар — к Лужской. Все возможные места учебки, тренировки, самые базы Балтийского флота были под непрерывным наблюдением вражеских глаз. Острова вытянулись по прямой линии от Финского залива зловещим кабаном, один конец которого упирается в Кронштадт, другой вал в Балтийские острова. Все, что делал Балтийский флот, могло быть известно в штабе любой «заинтересованной» страны, и недаром

острова эти были до края перенасыщены агентами и шпионами той национальности, которая в данном году больше запахла хозяйством островов, — финскому буржуазному правительству. Кака выдержка, какое умение нужно было иметь ряд лет Краснознаменному Балтийскому флоту, чтобы суметь скрыть от этих пристальных глаз те действия флота, которые определяют его боевую мощь! Как умело нужно было проводить учения, тренировки, строительство, испытания нового оружия, чтобы не обнаружить его до времени! Ни в одной стране мира вторая столица еще не расположена на расстоянии орудийного залпа от границ. Ни один флот в мире не заперт в узком коридоре, который насвозь просматривается (а если нужно, и простирается) возможными противником.

Советский флаг на Гогланде, на всей цепи островов!

На всей цепи тех островов, которые проданы Советскому Союзу Финляндским Народным Правительством во взаимных интересах укрепления безопасности СССР и Финляндской Демократической Республики. Пусть рабочие Ленинграда, создающие ценности для социалистической жизни нашей страны, пусть интеллигенция Ленинграда, пусть многочисленные казры учащиеся в Ленинграде молодых людей пойдут тот вдох облебеня, который вырвался из груди Краснознаменного Балтийского флота, когда на Гогланде и остальных островах навсегда утвердился советский флаг: в течение долгих двадцати лет флот берег ваши жизни, стиснутый островами, биянками врага, готовый вести несмысленную морскую войну на волею пространства, окруженном со всех сторон базами и батареями возможного врага. Острова стали советскими — Краснознаменный Балтийский флот удерживал свою мощь. Как будто гигант сжался с себя сковавшие его цепи, распрямился, расправил плечи, глянул вперед повеселенным взглядом: так свободно вздохнул в этот день Краснознаменный Балтийский флот.

Каждый из краснофлотцев, командиров и политработников, участвовавший в операции взятия островов, всем сердцем и умом понимал именно это. «Теперь Ленинград не взят никому и никогда» — вот что сквозило во всех восклицаниях, междустрочках, шутках на мостике, в кошачьих, у орудий.

Когда имя Сталина прозвучало в устах бойцов, прыгавших со шлюпок на берег, когда советский флаг взошел на остров, по правде сказать, будто туманы свалились с души: кончились трагедии, тревожные годы, годы стиснутых маневренных ног, годы ожидания ударов в спину буквально из-за угла — с любого из островов, насильственно взрванных в близкую систему обороны великого города. Острова — наши. Это значит, что они будут верными стражками морской линии в Ленинграде. Лучший флот мира не пройдет мимо Гогланда, если Гогланд стал советским. Старый друг Балтийского флота, каменный свидетель его боевой славы, верный страж Ленинграда вернулся. Острова стали системой замков, закрывающих Финский залив, морскую дорогу в Ленинград и Советский Союз.

Действующий флот.

Литературный календарь

Воскресим Парни!

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Парни, которого так любил Пушкин, которому поклонялось столько поэтов лункинской плеяды, — несправедливо забыт. Эварист Парни впервые завоевал известность в 1778 году, после издания своих «Эротических стихотворений». Этот прекрасный сборник сделал его истинным главой той поэзии, которая была столь популярна в тольней Франции, но, разработавшая поэмы второстепенными, часто приобретала пошловатый, скабранный, порнографический оттенок.

Следование руссоистской идее о свободе человеческого чувства, убежденность в быстротечности и преходящности жизненных явлений, погоня за миготом счастья — вот основа лирики Парни. Все это помножилось на стихийную силу чувства, расцветшего не в парижских салонах, а среди знойной и яркой тропической природы, где молодой поэт со всей силой страсти полюбил девушку, воспетую им под именем Элеоноры, и встретил столь же пламенное ответное чувство. Свою любовь Парни воспедал в поэзии со всем реализмом, со всей искренностью.

Парни стал любимым поэтом современной ему молодежи, и пререволюционная французская критика провозгласила его первым классическим поэтом века Людовика XVI. Беранже называл его «самым замечательным из наших эротических поэтов». Марко и Энгельс возмущались его «прекрасными стихами в Элеонору».

Наступила революция. Парни не чувствовал себя ей чуждым: он был врагом тиранов и тирании. Если революция и разорвала его, превратив из очень богатого человека в настоящего бедняка, он все же понаел ее эротическую правду и остался верен ее заветам. Но в пору Директории, в пору разгула победившей буржуазии, Парни с удивлением огляделся кругом. Разве этого ждал, разве на это надеялся же Просвещения? И он с презрительной небрежностью посылает несколько тонких, но разящих стрел в триумфаторов Директории.

Передовая революционная мысль XIX века высоко оценила эти его стихи. Свидетельство тому — в статье Энгельса о Карле Гроне, где цитируется несколько строк из поэмы Парни «Голдем».

В годы Директории и Консульства Парни выпускает целый ряд антрепризных поэм, борясь в них против наступления католической реакции.

В этих поэмах столько искренней, озорной сатиричности, они полны искрометного, свежего, неожиданного остроумия. Вырвантца скала поэм Парни была вполне оценена реставрацией, кувнившей и уничтожившей рукопись поэмы о христианах и запрещающей переиздание всех остальных поэм. И если критика буржуазной реакции не жаловала Парни за его эротизм, то против поэта-атеиста началась настоящая крестовый поход.

Последние годы жизни Парни печальны. Капиталистический строй вызвал отвращение поэта. Ему казалось, что он живет в стране глухих, где вырождается красота, где черные вороны гонят прочь солнце его поэзии. И он сознавал, что даже его «жалоба превратилась в мечту, у которой нет ни надежд, ни читателей». Фривольный поэт, безбожник имел дерзость выражать недовольство буржуазным строем! И буржуазный строй отомстил ему класками, укоризненными статьями Сент-Беза и стремлением забыть его прочно и навсегда. Вот почему о Парни, благороднейшем сыне просвещения, не существует во Франции ни одного исследования, вот почему нет даже его биографии. Кто же первый напишет работу о нем? Элеоноры и свертелые христианских богов? Какому из наших издательств будет принадлежать честь быстрого издания его произведений?

Ю. ДАНИЛИН.

В Оргкомитете художников и скульпторов: Маркуров, А. Герасимов, Манисер, С. Герасимов, Грабарь. Дружеский шарж Н. Радлова.

В МИРЕ КНИГ

ПЕРВЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В 1772 году в Петербурге вышла книга со следующим названием: «Опыт исторического словаря о российских писателях на разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков в Санкт-Петербурге 1772 года. В «Опыте» было 264 нумерованных и 11 ненумерованных страниц.

В предисловии к «Опыту» Новиков говорит: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сей книги меня побудило. Польза, от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна, не может также быть неведомо и то, что все европейские народы прилагают старания о сохранении памяти своих писателей, а без того погибли бы имена всех, в писаниях прославившихся людей. Одна Россия по сей день не имела такой книги, может быть, она самое было погубило многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведений».

В словаре приводятся данные о 317 русских писателях (главным образом XVIII века). Не претендуя на всеохватность и значения того или иного писателя, Новиков дает объективный и добросовестный фактический материал. Наряду с именами большую известность писателями, как Кантемир, Ломоносов, Третьяковский и другие, в «Опыте» дается сведения и о многих безвестных людях, никогда не печатавшихся, но замечательных, по мнению Новикова. С особой нежностью отмечает Новиков старшего наборщика Академической типографии Ивана Рудакова, писавшего «весьма изрядные стихотворения». Имея возможность быть объективным в оценке писателей прошлого, Новиков был принужден относиться к своим современникам более чем снисходительно...

Все же некоторые российские «знаменитости» того времени весьма обиделись на составителя «Опыта». Переводчик «Энеиды», придворный поэт и автор многочисленных верноподданнейших од — Василий Петров, недовольный тем, что Новиков не спешил признать его вторым Ломоносовым, даже разразился следующей эпиграммой до адресу Новикова:

Кто с ним ватажил, был друг ему и в святцах тот его не меньше, чем брат, Во святцах тот его не меньше, чем брат, Сократ.

«Опыт» был напечатан в количестве всего 606 экземпляров. В настоящее время «Опыт» является исключительной библиографической редкостью.

Н. ГОРИЧ.

«ДЕТИ О СТАЛИНЕ»

В ближайшее время Детиздат ЦК ВЛКСМ выпускает небольшой сборник рассказов детей об их встречах с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

В книжку вошли рассказы Мамлакат Нахантова, Этери Гванцеладзе, Вази Шевченко, Нины Здроговой, Лины Варшавской, Буси Гольдштейна, Миши Кулешова, Барабаи Хамтокова и Нины Молесовой.

Иллюстрирована книга многочисленными фотографиями.

НОВЫЕ КНИГИ

В издательстве «Художественная литература» вышли из печати:

Ванда Васильевская. «Земля в ярме». Роман выпущен в переводе Е. Гонзаго с предисловием М. Маркушевича.

Симон Чиковани. Стихи. Издание второе, дополненное.

Новое издание избранных произведений Симона Чиковани содержит многие стихи, не вошедшие в первое издание 1936 года. Стихи печатаются в авторизованных переводах П. Антокольского, В. Брика, В. Пастернака, Н. Тихонова, П. Петренко, М. Тарловского и др. Вступительная статья и примечания В. Гольцева.

М. Пришвин. «Береждева чаща». Собрание сочинений, том IV.

Книга открывается заметками автора «Мой очерк» и письмом М. Горького в «Литературную газету» о М. Пришвине.

М. Ю. Лермонтов. Избранные поэмы. Сборник выпущен в серии «Школьная библиотека» о вступительной статьей М. Юнович.

Г. Шенгели. «Избранное». Сборник избранных стихов за 20 лет.

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил новые книги:

А. Барто. «Имя». Рисунки С. Закржевской.

Сергей Михалков. «Стихи». В сборник вошло 33 стихотворения поэта, в том числе: «Голубое», «Герой», «В музее С. М. Кирова», «Пастух Михаил», «Дядя Степа», «Мы с приятелем». Рисунки к книге выполнены А. Ермолаевой.

А. Бруштейн. «Голубое и розовое». Пьеса в 4-х действиях. Авторская обработка для самодеятельного театра.

Пьеса показывает советским детям жизнь и учебу школьников в дореволюционное время.

Издание иллюстрировано фотоснимками спектакля «Голубое и розовое», поставленного театральной студией Гаумновского детского дома культуры в Москве.

С. Маршак. «Кораблик». Библиотечка «Для маленьких». Рисунки Г. Пустовой.

Н. Саконовская. «Книжка эта про четыре цвета». Серия «Книжка-малышка». Рисунки А. Брея.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ со скорбью извещает о смерти писателя

ОВЧИННИКОВА
Александра Григорьевича
Умер в г. Орехово-Зуево 11 декабря с. г.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

13 декабря состоялось заседание редакционной коллегии «Истории советской литературы». Главное внимание было уделено составлению первого тома истории, подготовка которого должна была быть закончена в этом году.

В настоящее время совершенно обеспечены и уже отчасти поступили в редакционный портфель общие статьи тома: А. Толстого — Советская литература и классическое наследство, М. Серебрянского — Пути развития (идеи, темы, образы) — советской журналистики, Н. Чуковского — Литературная критика и литературоведение и Л. Борового — Язык литературы. В остальном томе посвящены крупнейшим писателям-прозаикам литературы народов СССР.

Главы, посвященные отдельным писателям, состоит из автобиографического рассказа писателя о своем творческом пути и историко-критического очерка. Значительная часть писательских автобиографий уже поступила в редакцию. Многие из них — автобиографии А. Толстого, Во. Иванова, О. Форш, А. Серафимовича, К. Федина, К. Паустовского, Е. Петрова, Д. Вергелесона, М. Зощенко, Н. Вирта — написаны увлекательно и представляют художественный интерес.

В редакцию поступило также больше половины историко-критических очерков. Как заявил на заседании М. Серебрянский, предстоит еще большая работа над очерками со стороны авторов и редакторов. Критики, выступающие в качестве историков литературы, делают недостаточное внимание связи данного писателя с общим развитием советской литературы.

В общем из 50 листов первого тома собрано сейчас около 30.

Редакционная коллегия признала необходимым закончить сбор материалов для первого тома не позже конца января. Работа по второму тому истории советской литературы должна быть закончена в декабре будущего года. Уже сейчас в редакцию начали поступать некоторые материалы для этого тома, в частности очерки развития литератур братских народов СССР.

Памяти М. М. Клевенского

9 декабря на 62-м году жизни скончался писатель Митрофан Михайлович Клевенский. Это был добросовестный и неустанный труженик. Работе над историей русской литературы и общественности он отдал все свои силы. В начале своего трудового пути он был преподавателем словесности и сотрудничал по вопросам литературы в некоторых журналах. Когда после Октябрьской революции наши архивы обогатились сокровищами, ранее недоступными исследователям, а советские издательства развернули ряд важных научных изданий классиков русской литературы, Клевенский стал ценным сотрудником многих из этих изданий. Он весь отдался невидной, кропотливой, но ответственной работе историка и комментатора. Был участником изданий произведений Добролюбова, Чернышевского, Глеба Успенского и др.

Все, кто знали М. М. Клевенского, встретят весте о смерти его с искренней грустью, а руководители многих изданий русских классиков почувствуют глубоко пережитую утрату.

П. Лебедев-Полянский, В. Кирпотин, В. Волгин, Вл. Бонч-Бруевич, Н. Мецлеров, Б. Козмин, Е. Морозов, С. Мицкевич, Н. Бельчиков, Н. Бродский, Г. Гиния-Волжский, С. Борщевский, С. Белевичский, Н. Сергеевичский.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

НОВАЯ КНИГА

СТРОКОВ А., БОГУСЕВИЧ В.
НОВГОРОД-ВЕЛИКИЙ

под общей редакцией академика В. Д. ГРКОВА. Издание Новгородского сектора института истории Академии наук СССР. Стр. 253+33 вкладки фотографии, в тексте 150 фотографий, рисунков, схем.

ЦЕНА КНИГИ В ПЕРЕДЕЛТЕ 20 РУБ.
Содержание: исторический очерк, Описание памятников культуры древнего Новгорода Новые материалы археологических исследований города.

Книгу можно выписать из НОВГОРОДА, Ленинградского обл., ул. 1-го Мая, 18 Отделение ЛЕНИНГРАДА.

ИЗ ПОХОДНОГО БЛОКНОТА

Старуха сидит у дороги. На ней странная маленькая шапочка вроде монашеской скуфейки, подшубок и валенки. Лицо ее неподвижно. Кажется, что она умерла, и только бжег глаз говорит о том, что она жива. Моргает она очень редко, и то только для того, чтобы стряхнуть упавшие снежинки или вдруг навернувшуюся слезу.

Медленно, тяжело хлопьями падает снег. По узкой дороге мимо старухи непрерывно движется Красная Армия. Красноармейцы и командиры изредка поглядывают к старухе, вздыхают, выслушав ее короткую и странную историю, крутят головой, дают старухе кто что может и бегут за своей частью.

Старуха сидит над канавой на камне. В канаве, у ее ног, лежит лошадь с разорванными флюгелетными внутренностями, часть крови, поросенок без головы и, кажется, баран. Все это запорошено снегом.

Возле старухи, на большом газетном листе, морокот от снега, груды наваленого хлеба, сахара и булки, большой кусок вареного мяса с мозговой костью, махорка и сигареты.

Грозный и мощный поток Красной Армии мчится по дороге.

Она с мужем жила там, в лесу, на хуторе. Земли у них не было. Он, старик, ее муж, возил лес. Она одна корову, делала масло и продала. Вот, думала, вырастет поросенок. Хотела купить старуху теплую шапку и новую трубку. Старая трубка совсем пророчала. Ее нельзя было уже курить — табак выпался. И вот еще был один баран. Баран так себе. Просто дармоед. Но она думала — будет немного шерсти связать мужу теплые рукавицы.

Жили и жили. Но однажды пришли солдаты с винтовками, со штыками и велели им уходить. И ей и старухе.

Куда идти? Он, старик, родился тут, на хуторе. Он был добрый человек, взял ее бесприданницей и ни разу за всю их жизнь не ударил и не обидел ее.

Они ушли его. Он не хотел идти. Тогда один солдат козынул его штыком, и ему пришлось идти. А ей сказали, чтобы она собралась

СТАРУХА

Юрий GERMAN

— Дом твой, старуха, мы сожгли. А чтобы ты больше ни на что не надеялась, иди за нами.

Они отъезжали ее скотины, вышугавши поросенка из мешка и ударив лошадь прикладом.

— Гони на дорогу! — сказал толстый.

Солдат погнал скотину на дорогу. Лошадь тащилась вперед, а поросенок бежал саади.

— Что же ты не идешь с ними? — спросила старуху толстый. — Тебе тоже пора!

Старуха молчала. Солдат козынул лошадь штыком в круп, и она прыгнула на дорогу. За ней рванулась корова, потом баран и поросенок. И через секунду они все поднялись на воздух. Это полни разорвалась мина.

— Теперь пойдем с нами! — сказал толстый солдат.

Но старуха не пошла. Ее потащили, она вырвалась и убежала. Только потом она поняла, почему она не побежала за ней: тут везде были мины.

Два раза они выстрелили ей вслед. С тех пор она ходит.

Она была на своем хуторе. Хутора нет. Он еще дымит. Неможно дымит, но скоро и дыма не будет.

Иногда она сидит здесь и смотрит на красивые войска. Если ей холодно, она греется у красноармейских костров. Много раз в день ее утешают горячим супом. Она ест и согревается. Она уже старая, и кровь плохо греет ее. Вот ей дали много табаку на тот случай, если вернется ее старик. Может быть, он и вправду вернется. Здесь недалеко стоит красноармейская часть. Ее знают и зовут там бабкой. Там она и сидит. Вверх красноармейцы затащили старуху, и она им помогла. Вот они ей заплатили. А это, винцу, в канаве — ее скотина.

Возврат старухи кружком стоит бойцы. Вздыхают, переглядываются. Один, выслушав старуху до конца, вдруг говорит: — 3-а, бабка, ничто! Найдем вашего худа. И доставим сюда. Все будет в порядке, заверяю вас!

И осторожно хлопает старуху по плечу. Старуха смотрит на веселое, круглое лицо красноармейца. Некоторое подобие радости мелькает в ее старых, измученных глазах.

Райвопо.

Учебник древнегреческой литературы

Ученый совет Института мировой литературы одобрил к печати учебник для вузов «История греческой литературы». Автор учебника — проф. С. И. Радциг, составивший его по поручению и под руководством института. Труд проф. С. И. Радцига является первым опытом систематического изложения всего курса древнегреческой литературы в марксистском освещении.

До революции существовали на русском языке две книги по общему курсу истории древнегреческой литературы: перевод книги французских ученых бр. Кураев, дававшей внеисторическое изложение развития литературных жанров, и «Очерки по истории древних литератур» П. С. Кургана, мало знакомого с оригиналами древнегреческих литературных памятников. Кроме того частично этой теме была посвящена книга Ф. Зелинского «Древнегреческая литература эпохи неависимости».

«История греческой литературы» С. И. Радцига охватывает все периоды древнегреческой литературы — античный и византизм — с включением периода римского влияния. В книге учено выявлено влияние древнегреческой литературы на литературу народов Западной и Восточной и, в частности, отражение их в русской литературе.

Комитет по делам высшей школы объявил издательство Академии наук СССР выпустить в свет этот учебник к маю будущего года.

Сказание М. С. Крюковой

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпускает отдельным изданием поэму известной сказительницы-орденосносца Марфы Семеновны Крюковой «Заря-солнышко».

Сказание Крюковой проникнуто горячей любовью к великой социалистической родине и к ее вождям — товарищам Ленину и Сталину. М. С. Крюкова говорит в своей поэме о победе революции, о новой, радостной жизни в стране победившего социализма, о жизни, когда «и старикам жить хочется».

Выпускается сказание в обработке В. Попова. Рисунки — художников Палека Д. Буторина, В. Котухина и С. Соловнича.

НАРКОМПИЩПРОМ СССР «СОЮЗПРОМСОЯ»

ДЕЛИКАТЕСНЫЕ СОЕВЫЕ СОУСА «КАБУЛЬ» И «ВОСТОК»

улучшающие вкус любого блюда и возбуждающие аппетит, получили у потребителей заслуженную славу.

СОУСА «КАБУЛЬ» И «ВОСТОК»

изготавливаются по рецептурам лучших соусов. В них содержится соевые бобы, чернослив, изюм, груша, яблочная паста, красный и душистый перец, корица, гвоздика, кардамон, вино «Мадера» и проч.

ТРЕБУЙТЕ

во всех продуктовых МАГАЗИНАХ деликатесные СОЕВЫЕ СОУСА «Кабуль» и «Восток», изготовляемые заводами треста «Союзпромсоля» Наркомпищпрома СССР.